

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК МНР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Ш. БИРА

МОНГОЛЬСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
(XIII—XVII вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

9
Б 64

*Посвящается
двухсотлетию
Академии наук СССР*

Ответственный редактор
И. Я. ЗЛАТКИН

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой первую часть задуманного автором исследования дореволюционной монгольской историографии от ее истоков до победы народной революции 1921 г. Имея в виду, что завершение всей работы неизбежно потребует более или менее значительного времени, автор решил опубликовать данную книгу как первую часть всего исследования.

С тех пор как русские ученые положили начало монгольскому источниковедению, прошло около полутора веков [см. 115; 62; 72; 65]. За это время усилиями монголоведов разных стран проделана большая работа по собиранию, публикации и изучению памятников монгольской исторической литературы.

Особенно повысился интерес исследователей к монгольским историческим произведениям в последнюю четверть века, когда публикация летописей стала осуществляться как серийно, так и отдельными изданиями. В 1952 г. возникла серия «*Scripta mongolica*», издаваемая Харвард-Яньцзинским институтом (США). В ее выпусках были опубликованы методом фоторепродукции такие крупные летописи, как «Алтан Тобчи» («Золотой свод» [82]) Лувсанданзана (с оригинала, впервые опубликованного в 1937 г. в МНР), «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценный свод») Саган-Сэцэна в трех рукописных списках [83], «Болор Эрихэ» («Хрустальные четки») Рашипунцуга и др. [84]. Весьма ценными в этих публикациях являются вводные статьи, написанные известными монголооведами. В частности, «Введение» А. Мостэрта к изданию «Эрдэнийн Тобчи» Саган-Сэцэна представляет собой самостоятельное исследование, в котором содержатся не только блестящий текстологиче-

Работа одного из ведущих историков МНР, академика АН МНР Ш. Бира, посвящена изучению средневековой монгольской историографии. Автор привлек обширный круг монгольских источников, ряд которых введен им в научный оборот впервые. Богатый источниковедческий и историографический материал дает возможность ученому глубоко и всесторонне проанализировать историческое наследие монголов.

Б 10601-112
013(02)-78 157-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

ский анализ различных списков данной летописи, но и ценные историографические наблюдения.

С 1954 г. в Висбадене публикуется серия монографий под общим названием «Cöttinger Asiatische Forschungen», которая с 1959 г. известна под названием «Asiatische Forschungen». В этих сериях были опубликованы летописи: «Алтан Тобчи» анонимного автора [82], «История монгольского рода Борджигид» [97], «Цаган Теуке» («Белая история учения, обладающего десятью добродетелями»), «История Чингис-хагана», или «Пир молодежи», «Великая желтая история» — «Шара Туджи», анонимная Чахарская хроника (последние две летописи были опубликованы в виде приложения к книге В. Хайссига [241]) и др.

С 1958 г. в Копенгагене выходит еще одна серия — «Die Mongolischen Historischen Handschriften», редактируемая В. Хайссигом и являющаяся одним из отделов издания «Monumenta linguarum Asiae Maioris», основанного датским востоковедом К. Гренбеком. В этой серии опубликован ряд летописей, в частности «Эрдэнийн Эрихэ» («Драгоценные четки») [95].

В 1960 г. в МНР была создана серия «Monumenta historica», тепло встреченная научным миром. За истекшие годы в этой серии опубликовано несколько томов текстов ряда летописей и исторических документов [50].

Нельзя не упомянуть также публикации и исследования исторических сочинений монголов, осуществленные главным образом в СССР, Венгрии и Японии. Сводный текст летописи «Шара Туджи» был издан Н. П. Шастиной на основании трех списков (с указанием различий, переводом на русский язык [79] и примечаниями). Л. С. Пучковский опубликовал летопись Гомбожава «Ганга-ийн урусхал» («История Золотого рода владыки Чингиса». Сочинение под названием „Течение Ганга“) [63], сопроводив ее указателем имен и этнонимов. В 1970 г. в переводе Н. Б. Балданжапова вышла в свет летопись «Алтан Тобчи» в трех частях: исследование; перевод и комментарии; приложения (факсимиле рукописи А; разночтения, библиография, указатели имен, этнонимов и топонимов) [58]. Значительным событием явилась также работа Н. П. Шастиной, содержащая перевод и комментарии одной из лучших хроник XVII в. — «Алтан Тобчи» Лувсанданзана [80].

В области публикаций и изучения памятников монгольской исторической литературы успешно трудятся венгерские монголоведы, примером чего является работа Л. Лигети над «Нигуча Тобчиян» («Сокровенное сказание»), перевод им со старомонгольского на венгерский этого сочинения и публикация монгольского текста в новой транскрипции [101].

Изданием и исследованием «Нигуча Тобчиян» и «Алтан Тобчи» занимались и японские ученые С. Хаттори [216], Т. Кобаяси [253], С. Уемура [297], С. Одзава [269] и др.

Первым обобщающим и наиболее серьезным текстологическим исследованием исторических памятников Монголии была известная книга Ц. Жамцарано «Монгольские летописи XVII в.», положившая, по существу, начало их научному анализу [158].

Богатое наследие историографического творчества монголов привлекает всевозрастающий интерес научной общественности мира. Однако это выражается преимущественно в описании и каталогизации, в лучшем случае — в филологическом и текстологическом исследовании публикуемых памятников. Что же касается подлинно историографического его изучения, то оно началось недавно, никак не ранее 50—60-х годов.

В 1953 г. в издании Института востоковедения АН СССР была опубликована статья Л. С. Пучковского «Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.» [194], явившаяся первой весьма удачной попыткой историографического обозрения монгольской исторической литературы. Автор обратил внимание на важность изучения монгольских исторических сочинений с методологических позиций современной историографической науки. В 1959 г. в МНР вышла небольшая книга Х. Пэрлээ «К вопросу о дореволюционной монгольской историографии» [131], содержащая краткий обзор истории исторических знаний у монголов. Фундаментальным исследованием в области монгольской историографии является книга В. Хайссига «Родословная и церковная историография монголов» [242]. В этом труде, особенно в первой его части, главное внимание уделено анализу содержания изучаемых сочинений, установлению источников, использованных летописцами, выяснению биографии историков и т. д. Что касается второй части, то

ее научное содержание значительно беднее первой; оно ограничивается публикацией факсимиле четырех монгольских хроник XIX в.

В 1960 г. автор данной книги написал небольшую работу «Монгольская тибетоязычная историческая литература» [141; 226]. В ней обращено внимание на тибетоязычную историческую литературу о монголах, написанную монголами же. Другой нашей работой был опыт историографического изучения одного из таких крупных исторических сочинений — так называемой «Золотой книги» Дамдина [142]. В 1966 г. в «Известиях АН МНР» нами опубликована статья, посвященная изучению историографического наследия монголов [120].

Вкладом в изучение монгольской историографии явился «Обзор историографии Монголии», написанный И. Я. Златкиным и опубликованный в Советской исторической энциклопедии (т. IX). В нем рассмотрены основные этапы развития исторических знаний монголов с древних времен до наших дней [162, с. 611—617].

Сказанным фактически исчерпывается общий обзор работ по вопросам монгольской историографии за почти двухсотлетнее существование мирового научного монголоведения. Из этого обзора следует, что «целина» монгольской историографии остается далеко еще не поднятой, чем, по-видимому, и объясняются ошибочные утверждения об историографической деятельности монголов, встречающиеся иногда в литературе. Так, например, в известной книге Дж. Томпсона «История историографии» говорится: «Сами монголы не начинали повествования о великих деяниях Чингис-хагана, его сыновей и внуков до тех пор, пока не прошло много времени после событий. Единственной уцелевшей историей монголов, написанной на монгольском языке, является сочинение Саган-Сэцэна... оригинал которого открыт в Тибете в 1820 г. (?! — Ш. Б.). Эта книга, дополненная некоторыми сообщениями, почерпнутыми из китайских анналов, является всей суммой наших знаний об истории монголов» [292, с. 354]. Ошибочность такого утверждения очевидна.

В 50—60-х годах Школа востоковедения и африканистики при Лондонском университете предприняла действенные меры по изучению историографии народов Азии (Индия, Пакистан, Цейлон, Китай, Япония, Средний

Восток) и издала ряд работ под общим названием «Historical Writing on the Peoples of Asia». Однако во всей этой серии не нашлось места для монгольской историографии (если не считать небольшой статьи О. Латтимо-ра «Социальная история монгольского номадизма», которая, собственно, не имеет прямого отношения к историографии [258, с. 328—343]).

Таким образом, можно смело сказать, что монгольская историография остается неизвестной мировой научной общественности, за исключением узкого круга специалистов-монголоведов. Еще в 1960 г., выступая в прениях по докладу английского историка М. Батерфильда на секции методов и общих проблем XI Международного конгресса исторических наук в Стокгольме, мы отметили, что мировая историография не может ограничиваться только историографией Запада [218, с. 40]; она должна включать в себя богатую историографию Востока, в том числе и монгольскую [218, с. 40]. А на следующем, XII Международном конгрессе исторических наук (Вена, 1965 г.) одно из заседаний секций методологии и современной истории целиком было посвящено обсуждению нашего доклада на тему «Монгольская историография» [224, с. 49—56]. Доклад вызвал большой интерес, о чем свидетельствуют выступления делегатов и отклики в печати [225, с. 577—586].

Задачи автора предлагаемой книги весьма обширны как в смысле хронологических рамок исследования, так и по объему изучаемого материала. Анализ монгольской историографии выдвигает ряд новых достаточно сложных и все еще мало изученных проблем, исчерпывающее решение которых едва ли по плечу одному человеку.

Изучая монгольскую историографию, мы исходим из методологических принципов марксистской историографической науки, видя в ней самостоятельную дисциплину, изучающую процесс развития исторических знаний народов.

Руководствуясь этими принципами, мы стремимся исследовать историю исторических знаний монголов, историю политических, философских и религиозных идей, методiku исторического исследования и истолкования источников в трудах монгольских историков. Наша задача заключалась не только в констатации того или

иною явления, но и в объяснении его с учетом конкретных социально-экономических условий развития монгольского общества, классовой природы феодальной историографии. Но останавливаясь на этом, мы пытались также показать национальную самобытность монгольской историографии, выделяя те идейно-политические течения, которые отражали общенациональные и социальные интересы монгольского народа.

На наш взгляд, историю монгольской историографии можно разделить на следующие четыре основных периода:

Исторические знания в древнейшие времена и в период утверждения феодализма (до конца XIV в.);

Период развитого феодализма и феодальной раздробленности (XV—XVII вв.);

Период маньчжурского господства, застоя и загнивания феодализма (XVIII — начало XX в.);

Возникновение и развитие марксистской историографии (1921—1970-е годы).

Данная работа охватывает лишь два первых периода — с древнейших времен до конца XVII в.

История монгольской историографии имеет свои специфические особенности. Она возникла в типично кочевой среде, развивая и обогащая многовековые историографические традиции кочевых племен и народов, издревле населявших степные пространства Монголии.

Проблему истоков исторических знаний монголов возможно решать в отрыве от традиций, унаследованных ими от протомонгольских и тюркоязычных обитателей Монголии, поскольку доказано, что успехи кочевых народов в исторических знаниях, равно как и в других сферах культурной жизни, не исчезали бесследно, но передавались от одних к другим, обусловив в конечном счете зарождение и развитие письменной истории у монголов. Имеется немало общих сюжетов в легендах и преданиях тюркских и монгольских народностей, в их взглядах на свое происхождение от тотемических предков, в их шаманских воззрениях на внешний мир и историю, на хаганскую власть, а также в способах фиксации исторических событий. Культ Хөх Тэнгри (Голубого Неба) занимал центральное место в историко-политических воззрениях как тюркских, так и монгольских этнических групп. Крупнейшим общим достижением кочевых

народов явилась разработка 12-летней животной системы летосчисления, легшей в основу их исторической хронологии.

Историко-политическая концепция хаганской власти древних монголов, несомненно, возникла на основе многовековых традиций, восходивших ко временам гуннов. Система государственных должностей у монголов в XIII в. в основном была создана по древним образцам. Интересно, что эти должности, зафиксированные в китайской письменности на языке тоба, целиком совпадают с теми, которые мы встречаем в «Нигуча Тобчиян» («Сокровенное сказание») и особенно в «Цаган Теуке» («Белая история»).

Исторические знания кочевых народов в их совокупности можно назвать «кочевой историографией». В ее создание внесли свой вклад все племена и народы, обитавшие в разное время в Монголии. Появление у монголов в XIII в. письменной истории следует считать крупнейшим достижением и венцом «кочевой историографии».

Собственно монгольская историография складывалась в обстановке утверждения феодальных отношений и образования единого государства. Но по своему происхождению монгольская историография является народной, так как основой для ее возникновения служило устное народное творчество. Об этом нагляднее всего свидетельствует первенец монгольской историографии — «Нигуча Тобчиян», особенностью которого является тесная связь с устным творчеством монгольского народа.

После появления письменности монгольская историография развивалась в сложных условиях завоевательных войн и образования империи Чингисидов. Несмотря на то что в годы правления Юаньской династии проводилась интенсивная работа по составлению письменной истории, от тех времен сохранилось очень мало исторических сочинений. Мы пытались проанализировать монгольскую историографию этого периода не только на основании немногих уцелевших памятников, но и путем реконструкции исторических знаний монголов с помощью китайских и персидских источников — «Юань-ши» («История [правления династии] Юань»), «Тарих-и джахангушай» («История завоевателя мира» Джувейни), «Джа-

ми'ат-таварих» («Сборник летописей» Рашид ад-дина) и др.

В период империи монгольская историография вступила в контакты с тремя развитыми историографическими традициями — буддийской, китайской и мусульманской, однако это обстоятельство не оказало сколько-нибудь существенного влияния на дальнейшее развитие исторических знаний в Монголии. С падением империи оборвались связи монголов с китайской и иранской историографией. В связи с этим ряд ценных древнемонгольских историографических памятников, увезенных монгольскими завоевателями в чужие страны или созданных там, оказались навсегда утраченными в чужой этнокультурной среде.

Новый период развития монгольской историографии наступил с падением монгольской Юаньской династии (1368 г.). Последовавшая за этим феодальная раздробленность и полоса междоусобных войн отразились, конечно, и на историографии, однако она продолжила существовать и в так называемый «темный период монгольской истории», т. е. в XV—XVI вв. Мы знаем, что более поздние монгольские летописи (в особенности XVII в.) содержат немало данных, заимствованных из письменных источников XV—XVI вв., а это свидетельствует о непрерывавшейся преемственности монгольского летописания. Некоторые персидские и китайские источники XV—XVI вв. говорят, что основным видом историографической деятельности монголов в рассматриваемое время было составление родословных записей в семьях тайджи — царевичей, чингисидов.

Со второй половины XVI в. происходит заметная активизация историографической деятельности: с одной стороны, монголы вступают в теснейшие контакты с индо-тибетской религиозно-исторической школой, а с другой — возобновляется и получает дальнейшее развитие древнемонгольская историко-политическая традиция. С конца XVI и в течение XVII в. складывались и в конце концов сложились основы новой, феодально-буддийской историографии, которая получила широкое развитие в XVIII—XIX вв.

Монгольская историография, несмотря на чужеземное господство в стране, не превратилась в придаток маньчжуро-китайской официальной историографии. На-

против, теснее, чем когда-либо, она примкнула к другой ветви восточной историографии — к буддийской.

Буддизм, подобно христианству, создал свою историографию в странах, где стал господствующей религией (Шейлон, Непал, Китай, Тибет, Монголия, Бурятия и др.). Поэтому мы можем говорить об общей для этих стран буддийской историографии, которая, возникнув в древней Индии, получила дальнейшее развитие в ряде стран Азии.

Единство мировоззрения и методологии исторического познания обусловило общие черты буддийской историографии.

Представление об истории у буддистов было теснейшим образом связано с их богословско-философским учением о нереальности, скоротечности земной жизни. По их мнению, историческая действительность, исторический процесс так же эфемерны, как и сама жизнь. С этой точки зрения история, как таковая, не имела бы значения, если бы не служила целям учения об этике, о путях достижения нирваны — конечной якобы цели жизни человеческой. Иначе говоря, история должна была стать проповедницей буддийской морали и помощницей буддийского богословия. Не приходится удивляться, что многие указания знаменитого Ашоки о соблюдении государями правил дхармы имеют поразительное сходство с положениями дхармы (учение о религии, учение о царской власти), которые гораздо позже провозглашались тибетскими царями, монгольскими ханами.

Общность буддийской историографии выражалась также в единой схеме написания истории и в космологических концепциях возникновения вселенной, жизнеописания Будды, древнеиндийских царей и т. д. В этом отношении мало чем отличаются друг от друга и цейлонская хроника «Махавамса» («Великая хроника»), и тибетская «Дебтер Он-по-по» («Синяя книга»), и монгольская «Эрдэнийн Тобчи». Что же касается истории, то ее обязательно возводили к мифическому родоначальнику царей буддийского мира Махасаммате. Так и получилось, что у буддистов цари принадлежали к одному общему роду, возникшему на родине их веры — в Индии.

Несмотря на бесспорное буддийское влияние, историографическое творчество монголов не сводилось к

слепому подражанию буддийской историографии. Ламаистская разновидность буддизма, хотя она и широко распространилась в Монголии, столкнулась там с местной историографической традицией, которую буддизм не смог свести на нет и тем самым открыть дорогу к безраздельному господству церковной историографии, как это произошло в Тибете. Характерно, что в условиях маньчжурского господства интерес монголов к своему историческому прошлому не только не упал, а, наоборот, значительно возрос, что можно рассматривать как реакцию на чужеземное нашествие. В этот период возродилась древнемонгольская историческая традиция, которую можно назвать традицией «Нигуча Тобчиян». Не будет преувеличением сказать, что именно в условиях чужеземного гнета письменная история приобрела значение важнейшего фактора народной памяти об историческом прошлом страны. Не случайно Лувсанданзан выражает пожелание, чтобы его историю «продолжал читать великий народ» [52, с. 192], а анонимный автор «Шара Туджи» в самом начале своего сочинения приводит известное высказывание: «Если обыкновенный человек не знает своего происхождения, то подобен обезьяне, заблудившейся в лесу, если не знает своего рода, то подобен дракону, сделанному из бирюзы, если не читает письмен, повествующих о родословии своих предков, то подобен ребенку отвергнутому» [79, с. 15 (перевод), 125 (оригинал)].

На основе скрещения буддийских и собственно монгольских традиций в монгольской историографии сложились новые воззрения, были сделаны попытки периодизации истории вообще, истории Монголии в частности, менялось древнее представление монголов о хагане и хаганской власти. Именно в это время окончательно сложилась историко-политическая концепция верховной власти, в основе которой лежали, с одной стороны, старомонгольская традиция о хаганской власти, а с другой — буддийское учение о «законе дхармы». Эта концепция отражала тенденцию к тесному союзу Трона и Алтаря. Приведем две иллюстрации. В конце XVI в. Алтан-хаган, провозгласив ламаизм официальной религией, объявил себя «царем дхармы», а Третьего далай-ламу — главой религии. Другой пример, из истории феодально-теократической монархии 1911—1919 гг.: богдо-гэгэн был

провозглашен «Многимивозведенным богдо-хаганом, держащим воедино [бразды] правления религией и государством». Следовательно, феодально-клерикальная верхушка, пытаясь возродить монгольскую государственность в виде абсолютной буддийской монархии, руководствовалась именно учением о «двух принципах».

В соответствии с идеями буддийской историографии монгольские историки пытались периодизировать мировую историю по трем буддийским монархиям (Индия, Тибет, Монголия), подобно тому как представители средневековой христианско-феодальной историографии предложили схему периодизации всемирной истории по четырем монархиям (Ассиро-Вавилонская, Мидо-Персидская, Греко-Македонская и Римская). Пытаясь связать историю Монголии с историей буддийского мира, прежде всего с родиной буддизма — Индией, монгольские летописцы выдвинули теорию «переселения» указанных выше «двух принципов», очень напоминающую средневековую европейскую идею «трансляции империи». Согласно этой теории, первая буддийская монархия, основанная царем Махасамматой, не погибла, а продолжала существовать непрерывно, переходя из одной страны в другую.

Более конкретную периодизацию выдвинули монгольские летописцы по истории самой Монголии: первый период — с древних времен до падения Юаньской династии в Китае, время расцвета государства и религии; второй — междоусобная борьба между представителями «Золотого рода» Чингисидов, время упадка государства и религии; третий — с конца XVI в. — возрождение государства и религии. На основании этой периодизации в монгольской историографии установилась единая схема написания истории Монголии.

Монгольская историография прошла извилистый путь подъемов и падений. Но при этом она неизменно сохраняла свой феодально-классовый характер, свою верность интересам вначале феодализирующейся степной аристократии, а потом класса монгольских светских и духовных феодалов, что отражало закономерность, сформулированную К. Марксом и Ф. Энгельсом: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу

общества, есть в то же время и его господствующая *духовная сила*» [5, с. 45].

Монгольской историографии принадлежит видное место в истории исторической науки восточных народов. О необходимости ее изучения советский академик Н. И. Конрад писал: «В странах Востока существовала не только богатейшая историография, но и историология, наука об истории. Как факты истории, так и исторический процесс осознавались в аспекте определенных концепций... Принимать такие концепции безоговорочно нельзя, но понимать, что они означают, почему сложились и каково их отношение к реальному историческому процессу, необходимо» [168, с. 27].

Не приходится доказывать, какое большое значение имеет изучение монгольской историографии для развития исторической науки в МНР. Марксистская историография способствует формированию научного мировоззрения кадров историков, расширяет их кругозор, заостряет критическое чутье, помогает успешной борьбе против всякого рода антинаучных концепций. Мы надеемся, что данная работа поможет созданию новых обобщающих и монографических трудов по истории монгольской историографии. Делом ближайшего будущего следует считать исследование современной послереволюционной монгольской историографии. Как уже сказано выше, данная работа посвящена истории исторических знаний монголов с древнейших времен до конца XVII в. Она была завершена в 1972 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть первая. Исторические знания в Монголии в древнее время и в период утверждения феодализма (до конца XIV в.)	15
Глава 1. Зарождение монгольской историографии	15
Предпосылки появления письменной истории у монголов «Нигуча Тобчиан» — первый крупный памятник монголь- ской историографии	15 36
Глава 2. Монгольская историография в период империи (XIII—XIV вв.)	75
Историографическая деятельность монголов в эпоху Юань- ской династии	75
«Шэн-у цинь-чжэн-лу» — монгольское историческое произ- ведение	100
Реконструкция исторических знаний монголов по китай- ским и персидским источникам	105
Часть вторая. Монгольская историография в период развитого феодализма и феодальной раздробленности	155
Глава 1. Монгольская историография в XV — первой полови- не XVII в.	155
Историографические традиции монголов в XV в.	155
Зарождение феодально-буддийской историографии (вто- рая половина XVI — начало XVII в.)	165
Глава 2. Монгольская историография второй половины XVII в.	225
Хроника «Алтан Тобчи» Лувсанданзана	226
«Шара Туджи» («Желтая история»)	241
«Эрдэнийн Тобчи» Саган-Сэцэна	249
«Асарагчи нэрту-ин теуке» («История Асарагчи»)	276
Примечания	285
Список сокращений	295
Библиография	296
Указатель имен	311

Шагдарын Бира

МОНГОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (XIII—XVII вв.)

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Б. Л. Модель*. Младший редактор *Н. В. Бершвили*. Художник
В. Н. Тикун. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редак-
тор *Г. А. Никитина*. Корректоры *Л. М. Кольцина* и *Л. И. Письман*

ИБ № 13234

Сдано в набор 18/X 1977 г. Подписано к печати 13/IV 1978 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. № 1. Печ. л. 10. Усл. п. л. 16,8. Уч.-изд. л. 18,34. Тираж 1500 экз.
Изд. № 4007. Зак. 753. Цена 2 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва К-45,
ул. Жданова, 12/1. 3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143.
Открытое шоссе, 28